

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Потерянная земля (историко-этнографический очерк)

Анатолий Макарович Кайгородов
(1927–1998)

Анатолий Макарович Кайгородов родился в Китае в 1927 г., где его родители оказались после окончания Гражданской войны в Забайкалье. Его детство и юность прошли в Трёхречье, районе на правом берегу пограничной российско-китайской реки Аргунь. В 1948 г. он поступил в Харбинский политехнический институт на восточно-экономический факультет. Будучи студентом, участвовал в работе Кружка по изучению Маньчжурского края, который был организован при краеведческом музее Хэйлунцзянской провинции (директор В. Н. Жернаков). После окончания института в 1952 г. был направлен на работу в Шэньян, потом переведен в Пекин. В 1954 г., как и многие русские, проживавшие в Китае, уехал в Советский Союз. В 1955 г. поступил на службу во Всесоюзную государственную библиотеку иностранной литературы. В совершенстве владея китайским и японским, выучил монгольский, вьетнамский и индонезийский языки. В ВГБИЛ проработал главным библиографом вплоть до ухода на пенсию в 1988 г., занимаясь комплектованием литературы и научно-библиографической работой.

Анатолий Макарович фактически был первым исследователем жизни русского и эвенкийского населения Трёхречья. Его ранние работы были опубликованы в журнале «Советская этнография» (1968, № 4; 1970, № 2, 3, 6). Впоследствии множество очерков и заметок выходило в газетах «Забайкальский рабочий», «Советское Приаргунье», «Северный край», журналах «Проблемы дальнего Востока», «Охота и охотничье хозяйство» и ряде других периодических изданий. Сегодня о Трёхречье написано несколько монографий и множество научных статей, опубликованных в том числе на страницах «Традиционной культуры». Первый вариант очерка в значительном сокращении был издан в 1991 г. в газете «Советское Приаргунье» (№ 114–116), и частично его материалы уже вошли в научный оборот. Но важно представить вниманию исследователей русской культуры в Китае его полный текст, над которым Анатолий Макарович работал на протяжении четырех лет — в 1990–1994 гг. Машинописный вариант очерка хранится в семейном архиве М. А. Кайгородова.

Публикация очерка А. М. Кайгородова осуществлена в рамках проекта «Роль этнического фактора в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.)

Ключевые слова: русские, российско-китайское пограничье, Забайкалье, Трёхречье, Китай.

Дата поступления статьи: 20 апреля 2020 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

Для цитирования: Кайгородов А. М. Потерянная земля (историко-этнографический очерк) // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 2. С.160–176.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2020.21.2.014>

Так назвав свой очерк о Трёхречье, я вообще не хочу подчеркнуть этим его безусловно русское, точнее российское происхождение. Территориальные претензии к великому соседу за Аргунью неуместны. Однако недавняя история района, до 1956–57 гг., топонимика края и в особенности материальная и духовная культура абсолютного большинства населения позволяют отнести Трёхречье, скорее, к российскому (забайкальскому) региону, чем к маньчжурскому, о чем еще в 40-е годы писал советский исследователь Маньчжурии В. А. Анучин [Анучин 1948].

Вместе с тем русское население края не избежало влияний и китайской культуры, и даже материальной культуры эвенков (тунгусов). Были смешанные браки (в таких деревнях, как Караванная по Хаулу и Ернишная по Маретке¹, едва ли не каждый китаец был женат на русской), многие русские владели китайским языком, а объясниться мог каждый. Но больше всего влияние китайцев выразилось в заимствованиях из китайской кухни, в некоторых методах выращивания и хранения овощей. От эвенков заимствовали некоторые виды одежды (о чем я буду говорить ниже), переняли многие способы охоты на крупного и пушного зверя.

Уместно отметить, что до 1945 г. Трёхречье являлось классическим примером терпимости и мирного уживания разных народностей: русских, китайцев, маньчжуров, монголов, бурятов, корейцев, ороочонов, эвенков, дауров... Некоторым диссонансом выступали японцы, но это были оккупанты — некоронованные хозяева края. Да и они в целом вели себя довольно сдержанно. Трёхречье как-никак пограничная зона, японцы рассматривали казаков не только как помощников в охране маньчжуро-советской границы, но и как надежных союзников в случае их вторжения в Восточное Забайкалье.

В 20–30-х гг. многие казаки были вооружены карабинами и шашками, после боев с красными (в войсках атамана Семенова) вывезенными с русской стороны. Именно они в те годы (примерно к 1934-му)

с корнем выкорчевали процветавшее в крае такое зло, как конокрадство. Занимались им высокие профессионалы — ороочоны, кочевавшие по Гану, и дауры (манегры), кочевавшие по Кумаре. Китайцы и японцы были бессильны в борьбе с этим злом. Свой «товар» конокрады сбывали шайкам хункузов, разбойничавших главным образом по реке Нонни и ее притокам, а также перекушщикам из селений по Китайскому (Черному) Гану и даже в Цицикар. От набегов конокрадов особенно сильно страдали деревни, расположенные в таежной полосе Трёхречья, такие, как Верх-Урга, Дубовая, Ключевая, Покровка, Усть-Кули и Усть-Урга. В 1932 г. мне было пять лет, но я хорошо помню эпизоды борьбы с конокрадами в моей родной деревне Дубовая. Орудовали, как правило, грозowymi темными ночами. Утром вооруженный отряд казаков их настигал и пригонял обратно в деревню. Чаще их отпускали под «честное слово» не появляться больше в деревне, и только однажды есаул Шмелев, строевого коня которого пытались угнать, ударом клинка развалил конокрада-орочона буквально на две половины.

Как только с конокрадами было покончено, японцы приказали казакам сдать холодное и огнестрельное оружие.

В силу своей отдаленности от промышленных и культурных центров Маньчжурии Трёхречье осталось в стороне от внимания историков, географов и этнографов. Поэтому писать о Трёхречье довольно трудно, т.к. серьезных исследований по району нет ни на русском, ни на китайском языках. В китайских источниках до недавнего времени этот район или вовсе не упоминался, или характеризовался крайне поверхностно [Кайгородов 1970а]. И только в последние годы печать КНР стала уделять большое внимание Правоаргунскому хошуну (так теперь называется Трёхречье), когда русские были уже выселены.

По части исследований, пожалуй, больше чем другим народностям Трёхречья повезло эвенкам [Кайгородов 1968; 1970а; 1970 б; 1970в; 1992б], кочевавшим по Быстрой (Нюэрхэ), Маретке с их притоками,

¹ Автор использует народное трёхреченское название реки, правильно Маректа. — прим. ред.

а также в таежной полосе Дербула, Гана, Дербукана и Хаула.

В 1915–16 гг. олённых эвенков исследовал известный русский ученый и путешественник С. М. Широкогоров, в 1928, 1929 и 1932 гг. ковчезья трёхреченских эвенков посещала английский этнограф Этель Джозин Линдгрэн. Трёхреченских эвенков изучали японские и китайские этнографы [Люй Гуантянь 1981; Цю Пу 1980], а в последние годы очень активно эвенков изучает немецкий ученый Ф. Георг-Хайне из Билефельда, опубликовавший несколько солидных трудов². Немалую помощь немецкому ученому оказывает и автор данного очерка.

Самая большая сложность в описании старого (до 1957 г.) Трёхречья кроется не только в отсутствии письменных источников, но еще и в полном отсутствии сколь-либо достоверных статистических данных. Живых свидетелей той далекой поры, знатоков края не по учебникам, становится все меньше и меньше. Их осталось совсем мало, да и они, давно оторванные от родных мест, располагают всего лишь разрозненной информацией, с трудом поддающейся проверке.

По личным воспоминаниям, не без помощи все еще живых старожилов, используя имеющиеся в моем распоряжении письменные источники, я попытаюсь рассказать о Трёхречье, хоть и близком географически, но малоизвестном российскому читателю. Что же касается Правоаргунского хошуна (Трёхречье после 1957 г.), то это уже новая тема, для другого автора.

Свое название Трёхречье (по кит. Саньхэ цюй) получило от трех рек: Гана, Дербула и Хаула. Район находится в пределах Северной Барги³ Автономного района Внутренняя Монголия и по данным В. А. Кормазова занимает площадь в 11,5 тыс. кв. км., это без тяготеющих к району долины Быстрой и Маретки.

Все три реки берут начало в северо-западных отрогах Большого Хингана, Дербул и Хаул общим руслом, Ган чуть выше впадают в Аргунь напротив русского поселка Старый Цурухайтуй. С китайской стороны в устье рек расположен поселок Хэйшаньтоу.

По протяженности рек Ган самый длинный — 250 км, Дербул — 200 км, Хаул — около 180 км.

Я не имею возможности подробно остановиться на описании ландшафтов Трёхречья — они прекрасны в любое время года, их красоту отмечали все, кому довелось бывать в том крае [Кайгородов 1993а]. Каждая из трех рек примерно половину пути течет в гористой, покрытой таежными лесами местности со множеством болот и мелких озер. В среднем течении тайга переходит в лесостепь, горы становятся низкими и пологими (с увалами и еланями очень удобными для вспашки), долины рек широкими. Именно эта полоса Трёхречья в свое время была наиболее заселенной. Здесь самые плодородные черноземы, самые роскошные луга, обилие всевозможного зверья, боровой дичи, ценных пород рыб и вполне приемлемые проселочные дороги.

За неимением достоверных источников трудно определить даже приблизительную дату появления первых русских в Трёхречье. По этой причине мои сведения, касающиеся истории появления в крае первых заимок [Кайгородов 1993г] и хуторов, а именно с них началось Трёхречье, основаны на устных свидетельствах старожилов (в первую очередь П. Д. Кайгородова и Д. Л. Молокова)⁴, а также на личных наблюдениях и воспоминаниях.

М. Л. Михайлов — русский поэт, публицист и революционный деятель, отбывавший в середине прошлого века каторгу в Кадае (Читинская область) писал

² F. Georg Heyne. См. в частности его работы: *Heyne F. Georg. The Social Significance of the Shaman among the Chinese Reindeer-Evenki // Asian Folklore Studies. 1999. Vol. 58. P. 377–395; Heyne F. Georg. On the Symbolism of the Shaman's Costume among the Reindeer Evenki in Manchuria // Shaman. Vol. 21. No. 1–2. P. 19–66. — прим. ред.*

³ Географически Северная Барга — район к западу от северной части Большого Хингана, севернее реки Хайлар (Аргуни). КНР Внутренняя Монголия. — прим. автора.

Здесь А. М. Кайгородов ссылается на работу В. А. Кормазова «Трёхречье», опубликованную в журнале «Вестник Маньчжурии» (1934, № 5). — прим. ред.

⁴ *Петр Дмитриевич Кайгородов* — родной брат Макария Дмитриевича Кайгородова, отца А. М. Кайгородова; *Дмитрий Лаврентьевич Молоков* — односельчанин М. Д. Кайгородова по Усть-Урву и Дубовой. — прим. ред.

в воспоминаниях о неоднократных случаях бегства политкаторжан на маньчжурскую сторону Аргуни. Старые эвенки (на моей памяти Петр Прокопьевич Бульдотов) со слов дедов и отцов рассказывали, что во второй половине прошлого века, они, кочуя со своими оленями в таежной полосе Трёхречья, нередко встречали там русских, живших кое-как в собранных на скорую руку зимовьях. Некоторые из них охотно брали в жены эвенков, охотились вместе с кочевниками, но выходить к Аргуни боялись, боялись и встреч с артелями из русских охотников, промышлявших в тех же лесах. Скорее всего, это и были те беглые каторжане (они же первые поселенцы в Трёхречье), о которых упоминает Михайлов.

Первые русские заимки появились по Хаулу — реке самой близкой от Аргуни — в 1870 г. Две из них обустроились в хутор Ивановка из четырех дворов с небольшими огородами. В 1875 г. на месте заимки, основанной Парамоновым, появился хутор Ернишная, тоже из четырех дворов, но с одним огородом и баней. В 1885 г. заимка, построенная богатым булдуруйцем Титом Ивановичем Лопатиным, переросла в поселок Черноусиха из шести дворов с огородами и впервые с пашней, на которой рожь давала невиданные урожаи. В 1890 г. самая нижняя по Хаулу заимка Степана Лаврентвича Шестопалова разрослась в богатую деревню Манерка с тысячными отарами овец, табунами лошадей и крупного рогатого скота.

Хозяева хуторов и заимок, пережив Первую мировую войну, перестали возвращаться к себе на родину в левобережные приаргунские станицы, вывезли из Забайкалья свои семьи и стали постоянно проживать по Хаулу.

В годы революции и Гражданской войны в России в Трёхречье устремился поток беженцев, отходили разгромленные красными белые части атамана Семенова и других вожаков Белого движения. На месте заимок по Дербулу и Гану быстро вырастали села и деревни. Благо китайские власти не препятствовали русской колонизации района. Население Хаула за счет беженцев из Сибири и Забайкалья возросло в несколько десятков раз, но тут нагрянула великая беда — до Хаула дотянулась кровавая рука известного предводителя красных забайкальских партизан

Ивана Степановича Толстокулакова. Банды Толстокулакова в 1922 г. проделали кровавый рейд на правый берег Аргуни: были сожжены, а население вырублено и расстреляно, сразу три прибрежных деревни — Ацан, Тыныха и Дамысово. Вскоре набегам партизан подверглись все без исключения русские поселения по Хаулу. Людей убивали без разбору [Кайгородов 1990а] — детей, стариков, женщин, но в первую очередь охотились за офицерами царской армии, купцами, священнослужителями. Уцелевшие поселенцы, поборов все имущество, без оглядки бежали на Дербул и Ган — подальше от беспокойной границы. Хаул опустел. Русские боялись здесь селиться, хотя пашни, покосы и выпасы здесь были великолепными. Вплоть до 1957 г. по Хаулу (в его верховьях) находилась всего лишь одна китайская деревня — Караванная. В 70-е годы, как мне рассказывали, в пойме появились еще три китайские деревни. Одна из них на месте исчезнувшего в 1923 г. русского хутора Ивановка, и как ни странно, большинство китайцев называют свою деревню Ифаньнофука (Ивановка).

1920–30-е гг. были годами массового расселения русских в Трёхречье. Причины ясны — революция и Гражданская война в Сибири и в Забайкалье. В начале 30-х гг. массовый приток беженцев в Трёхречье был обусловлен насильственной коллективизацией и сопутствующим ей голодом и террором. Деревни и села, как правило, возникали вокруг существовавших издавна заимок и охотничьих избушек.

С огромным трудом (не всегда точно) мне удалось установить даты первых заимок по Дербулу, Дербукану и Гану и имена их основателей (хозяев). Вокруг этих заимок, о чем я говорил выше, со временем выросли большие и малые деревни и села. Удалось установить и время, когда эти деревни и села были покинуты русскими. Это не было переселением, не походило оно и на выселение — это было изгнанием русских из Маньчжурии, в данном случае из Трёхречья.

ДЕРЕВНИ ПО ДЕРБУЛУ

1. *Поселок Дубовая.* Первые заимки на месте будущей деревни основаны Егором Пешковым и Вениамином Волгиным в 1880 г. Заимка Егора Пешкова располагалась на большом острове, который до

последнего дня пребывания в деревне русских назывался Егоров остров.

Первые рубленые избы с амбарами, дворами и огородами появились в 1925–1926 гг. Первыми поселенцами были братья Зологовские Иван и Игнатий, Катков Василий Парамонович и братья Кайгородовы Макар, Петр и Георгий. Дубовая — одна из самых крупных и живописных деревень Трёхречья. Расположена на высоком левом берегу Дербула. Небольшая речушка Дубовка, бурная и грозная во время дождей, делит деревню пополам. Школа и церковь стояли посередине деревни.

В Дубовой я родился и вырос, здесь окончил четырехклассную сельскую школу. Был свидетелем многих крупных событий в нашей деревне. Так, например, я хорошо помню первое появление японских войск в нашей деревне. Случилось это в конце февраля 1932 г., незадолго до провозглашения «независимого» государства Маньчжоу-го... Японские пехотинцы прибыли на двух открытых грузовиках, их было человек 25–30. В заднем борту каждой из машин было укреплено огромное полотнище японского флага, небольшие флажки колыхались на радиаторах. На кабинах обеих машин стояло по два легких пулемета с солдатами наизготове около каждого.

Машины проследовали к канцелярии поселкового атамана. Здесь солдаты спешили и немедленно примкнули к винтовкам штыки. Их быстро окружила толпа любопытствующих поселенцев. Взрослых казаков солдаты одаривали сигаретами, нас, ребятшек, угощали батончиками мармелада и леденцами в небольших целлофановых пакетиках. В свою очередь они не отказывались принимать от казаков пирожки, калачи и шаньги.

В деревне солдаты пробыли минут сорок, затем довольные и улыбающиеся отбыли обратно в Драгоценку.

Летом 1932 г. через нашу деревню проследовали два вооруженных отряда двух Иванов — Ивана Александровича Пешкова и Ивана Васильевича Аксенова. Каждый отряд состоял более чем из сотни казаков. Их недолгое пребывание в деревне ознаменовалось дикой пьянкой, беспрерывными скандалами между собой

и с поселенцами и, наконец, дуэлью между офицерами из двух разных сотен. Кто они были — не совсем ясно. Судьбу этих сотен, а также белогвардейских отрядов «Асано» и «Пешковского» в составе Квантунской армии я описал в большом очерке, опубликованном в двух забайкальских газетах [Кайгородов 1992а].

Русские покинули деревню в 1955–56 гг. Три семьи оставались до 1975 г. В Дубовой (сейчас Шанхулинь) до сих пор живут два брата Половниковы и Поля Ельчина.

2. Поселок Ключевая. Первые заимки основаны в 1885 г. Георгием Полуэктовым, Андреем Андреевичем Волгиным и Константином Лукичем Зверевым. В 1913 г. деревня уже насчитывала около двух десятков дворов. В ней появилась третья (после Драгоценки и Верх-Кулей) церковь в Трёхречье. Константин Лукич в Первую мировую войну был мобилизован из Ключевой, после войны снова вернулся сюда. Он и двое его сыновей держали большое количество скота, сеяли много хлеба. В верховьях Дербула (под Карбелами) имели заимку для зимнего содержания поголовья, на которой накашивали огромное количество сена. Там в зимние месяцы жил Лукич со своей старушкой и двумя работниками. Умерли они на моей памяти, каждый прожив более девяноста лет.

Русские покинули деревню в 1955–56 гг. Две семьи оставались до 1970 г.

3. Поселок Тулунтуй⁵. Первые заимки основаны братьями Тимофеем и Александром Фомиными, Каюковым и Жигалиным в 1882–85 гг. Поселок состоял из двух разделенных небольшой речкой частей — Верхнего Тулунтуя и Нижнего Тулунтуя. Школа и церковь находились посередине.

Русские покинули деревню в 1955–56 гг. Три семьи оставались до 1965 г.

4. Поселок Попирай. Заимка основана Козулиным в 1895 г. Деревня по количеству скота считалась одной из самых богатых в Трёхречье, в особенности по многу держали коров. Русские оставили деревню в 1955–57 гг.

5. Поселок Караганы. Заимка основана Федором Широких примерно в 1890 г. Деревня была небольшой, сказывалась

⁵ По свидетельству В. А. Анучина, в 1895 г. Тулунтуй существовал уже как вполне сформировавшаяся довольно значительная деревня. — *прим. автора.*

близость советской границы и отсутствии поблизости леса. Русские покинули деревню в 1956 г.

6. **Поселок Щучья.** Первые заимки основаны Иваном Пешковым и Дмитрием Александровичем Деревниным в 1880 г., а возможно, и несколько раньше. Вскоре на месте заимок появилась небольшая, но очень богатая деревенька, таковой она оставалась до 1956 г. — года, когда ее покинули русские.

Щучья в силу своего географического положения оказалась на пути главного потока беженцев из Забайкалья, через Старый и Новый Цурухаитуй, через караулы Бура и Зоргол. Через Щучью проследовало (по тракту на верхние деревни по Дербулу, на Драгоценку и дальше на Ган) несколько тысяч беженцев, протопало огромное количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Контингент беженцев состоял в основном из богатых булдуруйских и караульских казаков, а граница на большинстве участков по Аргуню пока еще контролировалась семеновцами.

В 1922 г. именно через Щучью в Трёхречье и дальше вглубь Маньчжурии отходили разгромленные части семеновцев, колчаковцев и каппелевцев. Еще в 1918 г. китайцы учредили в Щучьей своего рода пограничный пост с даотаем (маньчжурским уполномоченным) во главе. Практическая деятельность немногочисленной китайской администрации была неэффективной и в основном ограничивалась поборами и взятками с проходящих мимо людей. Брала деньгами, скотом, шубами, всем чем угодно. А когда, горлая песни, в деревне появлялись вооруженные казаки, даотай и вся его команда попросту разбежались, прятались.

Как только красные установили контроль на границе, поток беженцев сперва поредел, потом и вовсе прекратился. Китайская администрация переселилась на Ган, в деревню Лабдарин (сейчас Лабудалинь — центр Правоаргунского хошуна). В Щучьей осталось домиков 25–30, деревня так и не выросла. В 1956 г. русские покинули деревню.

ДЕРЕВНИ ПО ГАЛУ

7. **Покровка.** Первые заимки построены Пятковым и Вырышевым в 1925 г. Располагалась в таежной, очень живописной местности верхнего течения Гана. Среди крестьян было много старообрядцев. В 30-х гг. они всем своим обществом переселились на Большой Хинган. В начале 50-х гг. эмигрировали в Парагвай, потом на Аляску, где основали село Никольское. Там живут и сейчас. Небольшая часть осталась в Парагвае, еще меньше осели в Уругвае. С одним из них автор встречался в Москве. Русские покинули Покровку в 1955–56 гг. Несколько семей оставалось до 1962 г.

8. **Поселок Усть-Кули** (сейчас Ся-Кули). Первые заимки основаны Парамоновым и Волгиным Ефграфом Васильевичем в 1907 г.

Русские покинули деревню в 1955–57 гг. Несколько семей оставалось до 1960 г.

9. **Поселок Лабдарин** (сейчас город Лабудалинь — около 80 000 жителей⁶). Первые заимки основаны Каргиным, Косяковым, братьями Кустовыми в 1895–1900 гг. Сюда в 1923 или в 1924 г. из Щучьей по Дербулу перенес свою ставку даотай — китайский руководитель края. Ставка, кроме сбора налогов, никакой другой деятельностью не занималась, фактическое руководство районом находилось в руках станичного атамана в центре (Драгоценке) и поселковых атаманов на местах. В дела русского самоуправления, в расселение потока беженцев и образования новых деревень китайцы не вмешивались. С приходом японцев в 1932 г. резиденция даотая была ликвидирована. Последний даотай, всеми уважаемый генерал Ли Сяньтин (маньчжур по национальности) бесследно исчез, скорее всего, был репрессирован японцами.

Русских выселили в 1955–56 гг. На их место стали приезжать большие партии китайцев из центральных районов Маньчжурии и Китая. Появились многоэтажные дома, благоустроенные гостиницы, наладилось автобусное сообщение с Хайларом и Маньчжоули. Многие из бывших трёхреченцев побывали у себя на родине. Лабудалинь на всех производит очень хорошее впечатление, город большой

⁶ Численность, возможно, несколько завышена. По статистике 2016 г. в г. Эргуна (Лабудалинь) проживало 37 402 человека, а во всем округе — 79 942 (URL: <http://www.eegndj.gov.cn/?thread-3073-1.html>). — прим. ред.

и богатый, со множеством больших и мелких предприятий. Все же остальные деревни, в том числе и Драгоценка, преобладают в большом запустении⁷.

10. **Поселок Челотуй.** Заимка на месте будущей деревни основана Морозовым Александром Петровичем в 1914 г. Эта, в общем-то, небольшая деревенька по количеству скота (в особенности овец) считалась одной из самых богатых в Трёхречье. Только у Морозова Петра Александровича их было около 7000 голов. В 1945 г. проходившие мимо деревни советские войска почему-то решили, что овцы принадлежат им. Часть овец перестреляли на мясо, часть перегнали на советский берег Аргуни.

Русские покинули деревню в 1955–56 гг.

11. **Поселок Светлоколуй** (Светлый Колуй). Заимка на месте будущей деревеньки основана Иваном Бизьяновым в 1910 г. Как и в Челотуе (как и во всех других деревнях степной полосы Трёхречья), жители этой небольшой (домов 50–60) деревни содержали огромное количество скота. Самым крупным скотовладельцем был Бизьянов — сын основателя поселка. Его отары в общей сложности насчитывали более 6000 голов. В Светлоколуе, пожалуй, не было хозяина, у которого было бы меньше пятисот или тысячи голов овец. Такую изобилию скота во многом способствовали прекрасные пастбища с отличным травостоем. Лошади и коровы получали зимнюю подкормку, овцы же всю зиму паслись в необозримой степи.

Во время войны большая часть бизьяновского стада, овцы многих других хозяев оказались в полосе продвижения 36-й советской армии, наносившей через Трёхречье удар по Хайлару. Их постигла та же участь, что и морозовских овец.

Русские покинули деревню в 1956 г. Один дьячок оставался до 1962 г. Он не хотел оставить церквушку, но китайцы выдворили его насильно. Дьячок этот рассказывал о своеобразных талантах Бизьянова как овцевода. Так, например, раз или два раза в году он пересчитывал своих овец и делал это следующим образом. Разукрупнит отары примерно в тысячу голов каждая и велит подгонять их к сопке одну за другой. Сам же садится верхом на коня и едет на вершину

той самой сопки. Пастухи с интервалом в 10–15 минут подгоняют отары, а хозяин тем временем «на глазок» определяет численность каждой. Ошибка составляла 2–3 головы, а нередко он ошибался всего лишь на одну голову. Хозяин знал каждую овечку «в лицо». И когда наступала пора отбраковывать на убой, на продажу, — безошибочно находил всех яловых, старых, непригодных к воспроизводству.

ДЕРЕВНИ В МЕЖДУРЕЧЬИ ДЕРБУЛА И ГАНА, ЦЕНТР ТРЁХРЕЧЬЯ

12. Центром в бывшем Трёхречье была **Драгоценка** (по кит. — Саньхэ, при японцах — г. Найрумту). Деревня основана в 1880–82 гг. русскими землепроходцами Феодором Кокухиным, Алексеем Пуликовым, Валентином Деревцовым. Падь, в которой располагалась заимка Кокухина до последнего времени звалась Кокушихой. Название свое деревня получила от многочисленных залежей плавикового шпата в окружающих сопках, камней очень красивых, похожих на драгоценные.

Драгоценка была административным, культурным и торговым центром Трёхречья — самым крупным населенным пунктом района. Ее центральное положение, устойчивая связь грунтовыми дорогами со всеми деревнями края и Хайларом обусловили ее быстрый рост как торгового центра со множеством мелких китайских лавок, торгово-промышленным филиалом фирмы «И. Я. Чурин и К», филиалами японских торговых фирм «Хаяси канэ», «Тонмо боеки коси», «Манью тикасан кабусики кайся», отделением магазина хайларского купца Брусенцева и т.д. Торговый филиал Чурина и некоторых японских фирм были универсальными и кроме торговли потребительскими товарами снабжали население сельскохозяйственным инвентарем и машинами за наличный счет и в кредит.

Драгоценка была, пожалуй, единственной деревней Трёхречья, где китайцы составляли довольно значительную прослойку, а в начале 50-х гг. и большинство из примерно шеститысячного населения. Селиться в Драгоценке они начали давно, держали харчевни, пошивочные мастерские, парикмахерские, постоянные дворы, были среди них кузнецы, плотники, некоторые

⁷ В связи с развитием этнотуризма в Китае ситуация сейчас значительно изменилась. Бывшие русские поселения Трёхречья благополучно развиваются и расстраиваются. — прим. ред.

выращивали овощи и картофель, но сельским хозяйством в привычном для русских понятии они не занимались.

При японцах в Драгоценке был расквартирован небольшой гарнизон Квантунской армии (примерно 300 солдат), Трёхречье было преобразовано в Южно-Аргунскую губернию во главе с бессменным ее руководителем Цэрэн Бадмаевым, доставленным японцами из Южной Барги. У себя на родине Цэрэн Бадмаев владел табунами лошадей и несколькими тысячами овец. Бурят оказался небезлестным лингвистом, он быстро овладел русским и японским языками, хорошо говорил по-китайски, но вся его деятельность протекала под неусыпным наблюдением японского советника (на моей памяти Такео Сато). Был он и неплохим оратором, я хорошо помню «патриотические» речи губернатора во время войны. Аттестат об окончании семи классов автор данной статьи получил из рук губернатора, а после войны случилось так, что автор едва не уехал в Южную Баргу учить внуков бывшего губернатора русскому языку.

При японцах в Драгоценке (Найрумту) появилось много разных учреждений: управление региональной и пограничной полиции, лесничество, управление по закупкам сельскохозяйственной продукции (сперва зерно и скот, в годы войны еще и сливочное масло), отделение Бюро по делам российских эмигрантов, казачье станичное управление и еще какие-то учреждения.

Такео Сато был советником губернатора и в то же время руководителем всей полиции в Трёхречье. Насколько мне известно, в 1945 г. он был убит в бою с советскими войсками около деревни Ширфовая по Гану. Рассказывали, что труп его долго валялся посреди улицы.

Забыл я назвать самое грозное и злое учреждение при японцах — это Японская императорская военная миссия, другими словами — японская военная разведка и контрразведка, в которую было вовлечено и много русских казаков [Кайгородов 1993д]. Все они в 1945 г. были арестованы и направлены в ГУЛАГ.

Первым станичным атаманом (еще до прихода японцев) был Ефграф Васильевич Волгин, умный и в высшей степени порядочный человек, много сделавший как для расселения, так и для обустройства русских в Трёхречье. При нем был

большой наплыв беженцев не только из Аргуни, но много переселенцев из пристанционной полосы КВЖД.

На смену Волгину пришел генерал Мациевский Георгий Лаврентьевич — тихий, болезненного вида прославленный герой Русско-японской войны, а в годы Гражданской — активный семеновец. Мациевского частенько посещал скрывавшийся под чужой фамилией бывший начальник штаба Азиатской конной дивизии полковник Ивановский. Если в Трёхречье никто, кроме Мациевского, не знал, кто был на самом деле простой учитель одной из захолустных деревень по Гану, то советской контрразведке было известно все. Однажды ночью в дом Мациевского ворвались трое, старого генерала не тронули, а учителя, он же бывшее второе лицо в Азиатской конной дивизии Унгерна, связали и, перекинув через седло, увезли в неизвестность. Старик с испугу окончательно расклеился, уехал в Харбин, где вскоре и умер.

Третьим — последним станичным атаманом в Трёхречье стал личный друг Г.М. Семенова (автор книги о Белом движении в Забайкалье) полковник Сергеев Всеволод Леонидович. Сергеев — тучный покладистый человек, очень способный организатор, по совместительству был и главой отделения Бюро по делам российских эмигрантов в Трёхречье. Жил он с женой Натальей Семеновной в небольшом уютном домике всего в одну комнату метров пятнадцати, при ней небольшая кухня, входная дверь выходила в глухие сени. В сенях был погреб, который часто заливался водой. В таких случаях на помощь атаману приходили мы, школьники, со своей помповой пожарной машиной — единственной на всю деревню, если не считать точно такой же машины в японском гарнизоне.

В 1940 г. при активном содействии Сергеева в Драгоценке была построена прекрасная кирпичная школа с пансионом и мастерскими для практических занятий учеников старших классов [Кайгородов 1993б]. В этой школе я проучился много лет, жил в пансионе, наш первый выпуск состоялся в 1947 г.

Конец полковника Сергеева был трагичен. Небольшая японская часть в самом начале войны с опозданием отходила из пограничного поста Бура. К этому времени японские войска уже покинули Трёхречье. Атаману приказали снарядить несколько

пароконных подвод, что и не без трудностей было сделано. Затем ему и его жене приказали следовать вместе с японцами. На первом же привале (на левом берегу Гана) полковнику и его жене связали руки и зверски прикончили обоих штыками. Целую неделю трупы валялись под горячим солнцем, похоронили их с большими трудностями.

Из промышленных предприятий самой значительной была паровая мельница и механические мастерские, принадлежавшие фирме Чурина. Были еще два кожевенных и овчинных заводов, пошивочные и сапожные мастерские, о которых я говорил выше. Было множество мелких китайских лавок и харчевен, многие из которых работали круглосуточно, что для приезжих было очень удобно. Лавчонки были небольшими, но ассортимент их товаров мог полностью удовлетворить незамысловатые потребности жителей района. Причем все было очень дешево, в особенности дешево и вкусно можно было пообедать в харчевне. Цены шли на фэни (копейки), если б я стал называть, сколько стоила порция пельменей в двадцать пять штук или порция бефстроганов с красным перцем или фэньтяозой (крахмальной лапшой), то мне просто не поверили бы. Соевый соус, уксус и горчица подавались бесплатно [Кайгородов 1994].

Не забыть бы сказать, что Драгоценка была плохо обеспечена водой. В самом центре городка зимой вырастала огромная наледь с множеством глубоких и небезопасных трещин. Отсутствие в достатке воды сдерживало ее рост и, возможно, явилось одной из причин переноса центра района в поселок (сейчас город) Лабудалинь.

Русских начали выселять из Драгоценки в 1955 г. Несколько семей оставалось до 1962 г., мотивируя отказ нежеланием оставить знаменитый казачий собор св. Петра и Павла без присмотра. Оставшиеся семьи позднее выселили насильно, храм вначале превратили в клуб и место сборищ хунвейбинов. Потом пустили под склад, а еще позднее разобрали на дрова.

13. **Поселок Баржакон** (назван по одноименному притоку Дербула). Первые заимки основаны Банщиковым Павлом

Дмитриевичем и уже упоминавшимся Лопатиным Титом Ивановичем в 1922 г.

Русские покинули деревню в 1955 г.

14. **Поселок Лапцагор.** Заимка на месте будущей деревеньки основана в 1905 г. Петром Былковым. Поселок насчитывал не более двадцати дворов, однако на каждый двор в добрые старые времена приходилось не менее тысячи голов разного скота. Мне однажды пришлось провести ночь в этой деревеньке в доме приятеля моего отца Былкова (имени не помню). Вечером, когда дойное стадо возвращалось с выпаса, мне казалось, что еще немного, и эта забытая богом крохотная деревенька будет раздавлена, исчезнет под копытами несметного количества буренок.

Но как я заметил, и в Лапцагоре, и в других не менее богатых скотом деревнях богатство было чисто внешним, порой даже ненужным: курные избенки под берестяными крышами, изба без перегородок, без сколь-либо приличной мебели, постель без простыней и пододеяльников, посуда самая примитивная (нередко чугуны еще демидовской работы), были самовары, завезенные еще с русской стороны. В богатых и менее богатых домах пища одна и та же: щи с несметным количеством мяса, картошка, тушеная с большими жирными кусками (чаще бараньего мяса), горы вареных вкрутую яиц, летом малосольные и свежие огурцы, бесконечный творог, сметана... Деликатесов не знали, да и не умели их готовить. Молока было много, но сепараторов мало. Ни маслодельных, ни сыроваренных предприятий, о них и понятия не имели. Куда шло молоко, сказать трудно. Помню, у Былкова в сенях длинная лавка была уставлена ведрами с прокисшим молоком, а вечером должно было появиться столько же свежего.

И в одежде не было разницы между богатым и бедным: зимой те и другие ходили в нагольных полшубках, летом те и другие носили ичиги, разве что в праздники богатый надевал хромовые сапоги, а бедняк оставался в ичигах. Трехречье — это темная, старая Русь, кстати, Анучин так и называл этот край⁸.

⁸ Если быть точнее, В. А. Анучин писал следующее: «Русские в Барге, и особенно в Трехречье <...> сохранили свою национальную самобытность и большую часть того жизненного уклада, который существовал среди старожиллов Забайкалья в царской России. <...> Жизнь здесь почти не отличается от жизни в глухих забайкальских деревнях времен Российской империи» [Анучин 1948, 185]. — *прим. ред.*

15. **Поселок Верх-Урга** (сейчас Шан-Урга) появился давно. Задолго до революции на речке Урга (впадает в Ган) казаки содержали скот и тайно мыли золото. Прииск оказался очень бедным и вскоре был заброшен. Основателями деревни в 1920 г. считают Мартемьянова и Ермолина. Деревня была большой, вероятно, по населению третьей или четвертой в районе.

Русские покинули деревню в 1955–57 гг. Некоторые семьи оставались до 1970 г.

16. **Поселок Усть-Урга** (сейчас Ся-Урга) основан в одно время с Верх-Ургой Павлом Дмитриевичем Качиковым, Фоминым и Соколовым.

Русские покинули деревню в 1955–57 гг. Отдельные семьи оставались до 1972 г.

17. **Поселок Ширфовая**. Вырос в верховьях Гана в 40-е гг., в основном из переселенцев китайской пограничной деревни Цицяннь (Цигань). Деревня считалась одной из самых бедных в Трёхречье. Пахотных земель было мало, лугов тоже немного. Большинство переселенцев слыли прекрасными охотниками и большую часть года проводили в тайге. Многие успешно рыбачили и зимой рыбу возили по деревням, обменивая на овес и пшеницу. Определенный доход приносила меновая торговля с орононами. На муку выменивали лошадей, однако неприхотливая, но малосильная ороченская лошадь была пригодна лишь для поездки в тайгу, но никак не для плуга.

Русские покинули деревню в 1956 г.

18. **Поселок Верх-Кули** (сейчас Шан-Кули) был вторым по величине населенным пунктом Трёхречья. Первые заимки на месте будущей деревни появились в 1890 г., а возможно, и несколько раньше. Основаны Чегодаевым Константином Ивановичем, Аксеновым, братьями Чипизубовыми. Помню, в нашей дубовской школе на стене висела географическая карта Барги, кажется, 1910 г. издания. Помню, что на ней были обозначены четыре деревни в Трёхречье: Верх-Урга, Верх-Кули, Драгоценка и Тулунтуй. Еще известно, что уже в 1911–12 гг. в Верх-Кулях построили старообрядческую церковь (православная появилась много позже), имелся постоянный двор, китайская харчевня и налажено производство сливочного масла. В 1915 г. стали для армии катать валенки, но в 1917 г. дело заглохло, хотя овечьей шерсти в районе

производилось много больше, чем в любой другой деревне.

Маслодельный, а позднее и сыроваренный заводы принадлежали братьям Воронцовым. В 1932 г. они были разграблены и уничтожены проходящими мимо белоказачьими частями. Производство масла и сыра позднее было восстановлено, но уже другими хозяевами.

Прекрасные и удобные для обработки поля, столь же прекрасные сенокосы, сравнительная близость рынка сбыта (г. Хайлар) позволили деревне выйти на первое место по части производства зерна и мяса. Самыми богатыми зернопромышленниками были Петр Константинович Чегодаев (засевал более 300 десятин пашни) и Родионов (около 150 десятин). Особенно много давала деревня шерсти — отары овец в буквальном смысле были бессчетными. Верх-Кули по праву считались самой богатой деревней Трёхречья. Русских начали выселять из деревни в 1955 г. Уезжали очень неохотно, многие уехали в Австралию.

19. **Поселок Нармакчи**. Небольшая деревенька домиков в 15–20 была основана несколько позднее Верх-Кулей казаками Первухиными из Аргунска. О том, что деревня была основана давно, свидетельствует и довольно большое кладбище при таком маленьком поселке.

Прекрасные сенокосные угодья (хуже были пахотные земли) позволяли поселенцам держать по многу скота, в особенности овец, которые паслись в степи зиму и лето. Близость Хайларского тракта не создавала помех в сбыте продукции. Примерно в пяти верстах от Нармакчи располагался Кункур — первый постоянный двор по тракту на Хайлар, здесь проходила южная граница Трёхречья.

В 1956 г. все население Нармакчи было депортировано в Советский Союз.

Я описал все населенные пункты Трёхречья такими, какими они были до августа 1945 г., когда со старым Трёхречьем фактически было покончено [Кайгородов 1990б; 1992в]. Всего мною описано 19 деревень — точное число накануне советского вторжения в Маньчжурию. Я сознательно не указывал число жителей каждой деревни, на эту тему я до сих пор веду спор с оставшимися в живых

бывшими земляками. Общее количество русского населения (всех 19 деревень) на август 1945 г. я в своих работах указывал в 16–17 тыс. человек.

Однако мои оппоненты в один голос заявляют, что было много больше — 20–25 тыс., а один старожил доказывает, что было под 30 тыс. и больше.

В 1945 г. численность населения Трёхречья резко сократилась: многие были арестованы и последовали в ГУЛАГ (примерно каждый 4-й взрослый казак), многие уехали на лесные концессии в Якэши, разъехались по городам.

Моя работа, мой очерк о старом Трёхречье — письменное свидетельство об открытой русскими землепроходцами и с прошлого века заселенной русскими казаками, ныне потерянной земле. Мой очерк — труд целого коллектива земляков-трёхреченцев, и хочется надеяться, что работа не окажется в забвении.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О РАЙОНЕ

Население

Основу русского населения Трёхречья, безусловно, составляли беженцы времен революции и Гражданской войны в Сибири и в Забайкалье. Как я писал выше, задолго до революции Трёхречье было покрыто сетью хуторов и заимок, однако общее число жителей было невелико, к тому же население в большинстве случаев было непостоянным — летом по заимкам косили сено, зимой (чаще работники богатых хозяев) жили со скотом, сезонно наезжали артели охотников — зимой на белковье, осенью и весной — на изюбря. Распашка земель производилась только по крупным хуторам.

После революции и Гражданской войны люди бежали в Трёхречье, спасаясь от голода и красного террора. Из пристанционной полосы КВЖД в Трёхречье ехали мелкие предприниматели, коммерсанты, учителя, врачи и священники ехали из таких городов, как Харбин, Хайлар, Маньчжоули. После разгрома белых войск, как я писал выше, в Трёхречье осело много семеновцев [Кайгородов 1992г; 1994; 1994в], каппелевцев [Перминов 1994а; 1994б; 1994в], калмыковцев и даже унгерновцев. В социальном исчислении большинство русского населения Трёхречья (свыше 70%) были забайкальцы.

Китайцы составляли вторую по численности категорию населения. Большинство их проживало в Драгоценке, по другим деревням редко в которой проживало больше 3–5 семей, и только в Верх-Кулях около дюжины семей. Как правило, китайцы были мелкими торговцами, кузнецами, печниками, плотниками. Среди русских им жилось хорошо и сытно, вот почему никто так не жалел о выезде русских, как китайцы, проживавшие по деревням.

Численность других национальностей в крае была незначительной. Более или менее заметную прослойку составляли ороченцы — по китайским источникам 250 человек. Ороченцы охотились на лошадях, кочевали исключительно по Гану, переваливая иногда в верховья Быстрой (Нюэр-хэ) и в долину Кумары. Эвенки (тунгусы), по данным немецкого ученого Ф.Г. Хайне, в 1989 г. насчитывали 164 человека. Охотились на оленях. Исповедовали шаманизм и православие. С русскими были в очень близких отношениях, нередко вместе охотились [Кайгородов 1993в]. Излюбленной и очень практичной на охоте у русских охотников считалась эвенкийская дашка (род просторного двухбортного пиджака из замши), эвенкийские арамусы (наговицы из замши, ремешками прикрепляются к поясному ремню), а также замшевые перчатки работы эвенков. Большой популярностью пользовались рысьи и беличьи шапки, а также гамчуры (мокасины), шитые эвенками.

Монголы и буряты кочевали в степной полосе Трёхречья, обычно работали пастухами у богатых русских скотовладельцев. Несколько корейских семей проживали в Драгоценке, занимаясь огородничеством.

Главное занятие русского населения

В природно-географическом отношении Трёхречье можно подразделить на три резко контрастные зоны: лесную, лесостепную и степную. Такое деление и обусловило главный вид занятий для каждой зоны. Население деревень, расположенных в лесной полосе (их было немного), в основном занималось охотой, меньше скотоводством, на небольшом клине сеяло ячмень и овес.

Осенью и зимой главным объектом охоты была белка, рысь, колонок, выдра. Весной и осенью охотились на изюбря, летом на сохатого. От того, насколько год выдавался

богатым на «урожай» белки, зависело благосостояние охотника, шкурка этого зверька всегда ценилась высоко. Зимой в лесные поселки часто наведывались коммерсанты не только из Хайлара (главным образом татары), но и из Харбина, и даже из Тяньцзиня и Гонконга. Большой удачей считалось добыть панты (рога) изюбря, они ценились буквально на вес золота.

Зимняя охота на белку (белковье) — занятие чрезвычайно трудное, не каждый охотник мог выдержать такую охоту. Артель человек в 7–8 уходила в тайгу на месяц — на два. Охотничьих избушек не было, спали у костров под открытым небом, а морозы в тех краях по ночам, как правило, –45, днем –35–40. Лошади часто погибали от бескормицы или становились добычей волков. Обовшивевшие, с обмороженными носами и щеками охотники нередко возвращались пешком, неся на спине бесценный груз или взвалив всю поклажу на оставшихся в живых лошадей⁹. Большую радость могла доставить добыча хотя бы одной выдры, как и панты, ценившейся на вес золота.

Волков в Трехречье вообще было много и в каждой из перечисленных зон. Как ни странно, в лесной зоне их было гораздо меньше, чем, например, в степной или лесостепной. Я с детства сталкивался с волками и посвятил этим казавшимся мне симпатичными хищникам несколько очерков [Кайгородов 1991; 1993е; 1993з; 1993и; 1994г].

Главным занятием жителей лесостепной полосы было земледелие. Однако многие имели много скота, а в свободное от полевых работ время охотились.

До августа 1945 г., даже во время войны, жизненный уровень населения Трехречья был довольно высок: бедняком считался тот, кто имел менее тридцати голов разного скота и сеял меньше трех десятин хлеба. Бедность появилась после войны, когда многие семьи остались без хозяев, когда появился сознательно направленный на разорение края беспредел китайских чиновников и зажиточные семьи стали преследоваться.

При японцах, всячески поощрявших и земледелие, и скотоводство (в особенности разведение породистых лошадей),

средняя полоса по праву считалась житницей Трехречья. Зерна производилось столько, что девать его было некуда: караваны быков и верблюдов, запряженные в скрипучие двухколесные арбы день и ночь тянулись в направлении Хайлара. А ведь тракторов практически не было, тягловой силой использовались быки и лошади.

Среднюю полосу Трехречья Бог ничем не обидел: здесь водилось в достатке разного зверья (в особенности много диких коз и зайцев), стаи тетеревов исчислялись тысячами и десятками тысяч, а охота на них была доступной даже для детей [Кайгородов 1993ж], росло несметное количество всевозможной ягоды (в особенности голубики, черемухи и земляники), грибов [Кайгородов 1993к], почему-то именно в лесостепной полосе были самые заядлые рыболовы [Кайгородов 1993л; 1993м; 1994д].

В деревнях этого края на широкую ногу справляли церковные праздники, в особенности храмовые (там храмовый праздник почему-то назывался «канун»), на которые гости съезжались со всего Трехречья. По-старинному праздновали и масленицу [Кайгородов 1993н]. В храмовые праздники по деревням гуляли «компаниями». Это значит, собиралось несколько хозяев (примерно одинакового имущественного положения), а затем несколько дней подряд гуляли попеременно в каждом доме, пока не обойдут всех хозяев [Кайгородов 1990–1991]. Столы ломались от разных блюд покупных и собственного приготовления, водка выставлялась ящиками. Как только компания взрослых удалялась в другой дом (там все начиналось сначала), столы «подновлялись» и место взрослых занимала молодежь из тех же семей. Конечно, в такие праздники имущественная дифференциация просматривалась вполне отчетливо: богатые гуляли с богатыми, средние со средними, малоимущие с такими же, как они. Такие праздники, как Пасха, Рождество весело отмечались целую неделю, а то и больше.

Про хозяйственную жизнь в степной полосе Трехречья я уже говорил. В этой полосе урожай хлебов были низкими, поэтому все внимание было сосредоточено на скотоводстве. Скота, в особенности овец, в степной полосе было несметное

⁹ О зимнем белковье см. подробнее в повести «Любовь тунгуски» [Кайгородов 1993в]. — прим. автора.

количество, громадные отары бродили по степи круглый год. Было много и крупного рогатого скота, меньше лошадей. Во время войны японские фирмы закупили в Трёхречье множество крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, но это не очень-то отразилось на поголовье стада. Роковым для хозяйственной жизни Трёхречья стал 1945-й год: война, аресты и интернирование в СССР самых трудоспособных и опытных земледельцев и скотоводов, последовавшая затем разорительная политика китайских коммунистов, подведших окончательную черту под благополучие Трёхречья.

Я не буду описывать все «мероприятия» китайских чиновников, их можно охарактеризовать одной фразой: делалось все, чтобы люди жили все хуже и хуже. Кончилось же все депортацией (изгнанием) русских из Трёхречья, о чем я вкратце скажу ниже.

Несколько слов о просвещении и медицине в Трёхречье

Школы имелись в каждой деревне, но это всего лишь четырехклассные училища с очень добросовестными, но, как теперь кажется мне, в большинстве случаев не очень опытными учителями. В Верх-Кулях была семилетняя школа, в Драгоценке восьмилетняя, после 1945 г. — средняя, десятилетняя школа. В Драгоценке (я окончил эту школу) были самые опытные учителя, многие с педагогическим образованием. До 1945 г. обучение велось частично по учебникам старого (царского) времени, частично по учебникам, изданным в Харбине.

Учителями в захолустных наших деревнях были просто грамотные люди, не сумевшие прижиться в городе (например, в Харбине), но в Трёхречье они стали учителями — самыми почетными гражданами нашего общества, да и материально жили неплохо. Школьный учитель имел бесплатную квартиру-домик, бесплатные дрова и 6 гоби (рублей) жалования в месяц. Для наглядности скажу, что столько же стоила корова, корова с телком стоила 8 гоби, а овца всего один гоби, или даже 80 фэней (копеек). Добавлю, что сердобольные мамы снабжали учителей бесплатно и маслом, и салом, и яйцами, не говоря уж о мешке картошки или кастрюле квашеной капусты.

С медициной в Трёхречье было плохо, особенно после 1945 г., когда уехали

японские врачи. На весь район была всего лишь одна больница с хирургическим отделением в Драгоценке (Д. И. Остроумова, она же и хирург, она же и терапевт, она же и гинеколог). В четырех или пяти деревнях имелись фельдшера.

В подавляющем большинстве деревень — никаких врачей, даже ветеринарных. Конечно же, очень плохо было и с хирургическим инструментом, и с самыми обычными лекарствами, и даже с перевязочным материалом. Основную ношу в здравоохранении Трёхречья несла на своих плечах Дарья Ивановна Остроумова (похоронена в Новосибирске).

Депортация. Конец Трёхречья

Вопрос о депортации русских из Трёхречья первый раз возник в головах некоторых японцев в 1935 г. Тогда это диктовалось вопросами безопасности Маньчжоуго, а возможно, еще и подготовкой нападения на советское Забайкалье. Было решено около 20000 человек, к этому времени уже хорошо обустроившихся на новом месте, переселить вглубь Южной Барги (рекомендовалось верхнее течение реки Хайлар-Аргуни) или в район Большого Хингана по рекам Чол и Мерген. По замыслу японских чиновников, в Трёхречье должны остаться одни пограничники и японские гарнизоны в Драгоценке и других стратегических пунктах.

Уже приступили к переселению. Несколько семей, соблазнившись высокими подъемными, выехали на Мерген и Чол, несколько семей уюковали в верховья Хайлара. Основная же масса населения пребывала в панике. И вот тут-то, откликнувшись на жалобы казаков, в дело вмешался атаман Семенов.

Из Трёхречья в Харбин для встречи с Григорием Михайловичем выезжал старичный атаман Г. Е. Мациевский, с ним несколько поселковых атаманов. Переговоры с главой японской военной миссии в Харбине генералом Янагита были трудными, но плодотворными. Семенов потребовал от японцев отказаться даже от мысли о депортации [Кайгородов 1994б]. Японцы согласились, однако взамен потребовали участия русских в охране границы по Аргуни. Кажется, уже в 1936 г. маньчжурские пограничники на заставах от Старого Цурухайтуя и выше на юге, до поселка Цигань (Китайский Усть-Уров)

на севере, стали заменяться казачьей пограничной полицией.

Другое дело 1955–56 гг., Семенова уже не было, русские, хотя и считались советскими гражданами, но заступиться за них было некому. К депортации была проделана и соответствующая подготовка — жизнь населения стала невыносимой, а нищать дальше уже было некуда. Китайские чиновники, чувствуя полную безнаказанность, обнаглели в буквальном смысле слова. Приведу некоторые примеры из жизни Трёхречья первой половины 50-х гг.: под предлогом борьбы с пожарами запрещены поездки за ягодами, грибами, на охоту, а заодно запретили ловить рыбу неводом, езом (заездком), кроме ловли удочкой. Полностью запретили рубку леса. Если нужны были деревья для полозьев, на дуги, на ремонт жилья или изгороди, то лес отводился в определенном месте, поштучно и за высокую плату. Зимой за дровами можно было ехать только с разрешения лесничего, в строго определенное место и брать на дрова только гнилой валежник, и т.д. и т.п., всего не вспомнишь, не перечислишь.

Особенно возмущала и шокировала людей бесцеремонность и наглость китайских чиновников. Приезжая в деревню, они без согласия на то хозяина вламывались на постой и по несколько дней жили, как говорится, на готовых харчах, да еще заставляли кормить и ухаживать за своей лошадей. Об уплате и помина не было. У жителя деревни Ключевая Зверева Н.К. китаец прожил ровно два месяца. Он ел,пил (иногда даже заказывал специальные блюда, например, пельмени), целыми днями валялся на кушетке, читая «Краткий курс»¹⁰ в переводе на китайском языке. Хозяину он время от времени демонстрировал свой партийный билет, который и давал ему право вот на такое бесплатное жильё, власть.

Творились удивительные вещи, даже поверить в них трудно. Китайское чиновничье начальство (через метисов-переводчиков) прекрасно изучило в какой деревне, когда должен быть храмовый праздник. Именно на этот день, под надуманным официальным предлогом, в деревню наезжало множество китайцев разных рангов (от простых лесников до райкомовцев и судей), часто целыми семьями. Конечно же,

останавливались в самых зажиточных домах, и 3–4 дня, а иногда и больше, жировали на даровых добрых харчах. Потом, прихватив кое-что их продуктов (например, мясо), возвращались в Саньхэ.

Ну как тут не вспомнить японцев? Те тоже ездили по деревням, но на постой не вламывались, жили по распределению поселкового атамана. Платили за все, причём очень щедро, и многие хозяева даже боролись за таких постояльцев.

Из жизни послевоенного Трёхречья я написал несколько очерков-рассказов, которые рекомендую прочесть каждому [Кайгородов 1992д; 1993о; 1993п].

Депортация началась в 1955 г. Хайларская транспортная контора выделила сотни большегрузных грузовиков. Небольшие деревеньки «поднимали» за один раз, большие — за 2–3 ездки. Скот, с/х машины, дома шли за бесценок, почти даром. Мне известен случай, когда трактор по стоимости приравнивали к велосипеду. В русские избы немедленно (часто в присутствии старых хозяев) вселялись китайские переселенцы с юга (Откуда они только взялись?!).

Машины с репатриантами следовали до Хайлара. Здесь им давали два-три дня на покупку некоторых товаров, а дальше уже в советских телячьих вагонах везли на целину — в Сибирь, в Казахстан...

Великое переселение закончилось к лету 1957 г. Те, кто оставался после этого срока, ждали визы на выезд в Австралию, Канаду или Бразилию. В конце концов, они выехали и теперь ценными посылками и денежными переводами подкармливают своих родственников — славных покорителей целины.

Итак, для русского Трёхречья наступил конец. Позади осталась его русская история (почти вековая), его культура, пусть и небогатая.

Позади оставались кладбища с могилами родных и близких. Одних похоронили давно, еще до революции, других недавно — перед переселением. Оставались церкви и церквушки, часовни и часовенки, на отъезжавших навсегда с укором смотрели их купола и кресты, колокола, казалось, извергают предсмертный плач.

Брат мой, покинувший родную Дубовую в одной из последних машин, с содроганием вспоминал: собаки, брошенные

¹⁰ Имеется в виду «История ВКП (б). Краткий курс». — *прим. ред.*

хозяевами, всей гурьбой сбежались к мосту посредине деревни и подняли невообразимый вой. Мычали коровы, ржали лошади, по деревьям как басы носились китайские переселенцы, врывались в бесхозные избы, амбары, сараи, несли к себе все, что попадало под руку. Вдруг налетел ветер, началась песчаная буря, под ветром уныло загудели колокола... В деревне творилось что-то невероятное, какой-то дявольский шабаш...

Писать о том, что произошло с церквами и кладбищами, морально тяжело. Церкви имелись почти во всех деревнях, в Драгоценке и Верх-Кулях по две. После выезда русских занявшие их дома китайские переселенцы не знали, как поступить с культовыми учреждениями. Они бойко разбирали на дрова церковные ограды, для тех же целей везли с кладбищ кресты и часовенки, но церковные здания как таковые до времени не трогали.

Судьбу церквей (об этом рассказывали мне сами китайцы) решило негласное постановление партийного начальства: всю церковную утварь свезти в одну церковь

(в деревне Попирай), а здания приспособить под хозяйственные нужды. Большинство церквей обезглавив приспособили под амбары, складские помещения, некоторые под школы, магазины, клубы. Через десяток лет, когда в Трёхречье стали пускать русских туристов, китайцы, заметая следы, попросту разобрали церкви на дрова.

Церковь в Попирае, никем не охраняемая, простояла лет семь. Потом сгорела дотла со всем содержимым. Собеседник говорил, что церковь подожгли хунвейбины. Сгорели священные реликвии (два знамени семеновских полков), дорогие старинные иконы, хорутви, священная посуда для причастия и многое другое, привезенное в свое время с русской стороны.

Такая же участь постигла и все русские кладбища. Люди еще не успевали выехать из деревни, а кресты с могил уже свозили на дрова. Вскоре те кладбища, где позволял рельеф, распахали под пашню или огород. Не осталось в Трёхречье ни одной церкви, ни одной часовни, ни одного кладбища. Ничто больше не напоминает о пребывании здесь русских...

Источники и материалы

Анучин 1948 — Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М., 1948.

Кайгородов 1968 — Кайгородов А. М. Эвенки в Трёхречье // Советская этнография. 1968. № 4. С. 123–131.

Кайгородов 1970а — Кайгородов А. М. Русские в Трёхречье // Советская этнография. 1970. № 2. С. 140–149.

Кайгородов 1970б — Кайгородов А. М. Свадьба в тайге (об эвенках) // Советская этнография. 1970. № 3. С. 153–161.

Кайгородов 1970в — Кайгородов А. М. Дерсу Узала из дебрей Трёхречья // Советская этнография. 1970. № 6. С. 128–133.

Кайгородов 1990–1991 — Кайгородов А. М. Другу не мстят. Повесть // Приаргунская заря. 1990 (октябрь — декабрь), 1991 (январь).

Кайгородов 1990а — Кайгородов А. М. Переплетение судеб (о зверствах толстокулаковцев) // Забайкальский Рабочий. 10 июня 1990 г.

Кайгородов 1990б — Кайгородов А. М. Маньчжурия: август 45-го // Слава труду. 1990. № 141–144 (в сокращении) — Проблемы дальнего Востока. 1991. № 6).

Кайгородов 1991 — Кайгородов А. М. Волчья месть // Забайкальский рабочий. 1991. № 240 (то же — Советское Приаргунье. 1991. № 27–28).

Кайгородов 1992а — Кайгородов А. М. Последние из могикиан // Советское Приаргунье. 1992. № 17–28.

Кайгородов 1992б — Кайгородов А. М. Свадьба в тайге (об эвенках) // Советское Приаргунье. 1992. № 40–44.

Кайгородов 1992в — Кайгородов А. М. Кто остался на сопках Маньчжурии // Забайкальский рабочий. 1992. № 226 (то же — Российская газета. 1990. № 262).

Кайгородов 1992г — Кайгородов А. М. Во имя России он шел на все // Подмосковье. 1992. № 11.

Кайгородов 1992д — Кайгородов А. М. Смерть есаула. Рассказ-быль // Забайкальский Рабочий. 1992. № 198 (то же, но сокращенно — Северный край. 1993. № 41).

Кайгородов 1993а — Кайгородов А. М. Песни сатаны // Харбин. 1993. № 3 (14).

Кайгородов 1993б — Кайгородов А. М. Школа в Драгоценке // Советское Приаргунье. 1993. № 3–14.

Кайгородов 1993в — Кайгородов А. М. Любовь тунгуски. Повесть // Советское Приаргунье. 1993. № 31–51.

Кайгородов 1993г — Кайгородов А. М. Русские заимки в Трёхречье // Советское Приаргунье. 1993. № 56–60.

Кайгородов 1993д — Кайгородов А. М. Диверсанты // Советское Приаргунье. 1993. № 73–84.

Кайгородов 1993е — Кайгородов А. М. Жизнь среди волков // Советское Приаргунье. 1993. № 90–91.

Кайгородов 1993ж — *Кайгородов А. М.* Охота на тетерева в Трёхречье // Охота и охотничье хозяйство. 1993. № 3.

Кайгородов 1993з — *Кайгородов А. М.* Страх // Охота и охотничье хозяйство. 1993. № 4.

Кайгородов 1993и — *Кайгородов А. М.* Страшная цена // Охота и охотничье хозяйство. 1993. № 5–6 (то же — Советское Приаргунье. 1992. № 82).

Кайгородов 1993к — *Кайгородов А. М.* Грузди // Советское Приаргунье. 1993. № 89.

Кайгородов 1993л — *Кайгородов А. М.* На езу // Советское Приаргунье. 1993. № 64–67.

Кайгородов 1993м — *Кайгородов А. М.* Переметы // Советское Приаргунье. 1993. № 102–103.

Кайгородов 1993н — *Кайгородов А. М.* Снежный городок // Советское Приаргунье. 1993. № 100–101.

Кайгородов 1993о — *Кайгородов А. М.* Брат мой — враг мой. Рассказ-быль // Забайкальский рабочий. 1993. № 5–8.

Кайгородов 1993п — *Кайгородов А. М.* Колдунья. Рассказ-быль // Советское Приаргунье. 1993. № 92–99.

Кайгородов 1994а — *Кайгородов А. М.* Три дня на постоялом дворе // Советское Приаргунье. 1994. № 11–21 (то же — Сибирь. 1971. № 5).

Кайгородов 1994б — *Кайгородов А. М.* Он был забайкальский казак (о Семенове) // Советское Приаргунье. 1994. № 37–61.

Кайгородов 1994в — *Кайгородов А. М.* Жизнь и смерть атамана Семенова // Северный край. 1994. 18 июня.

Кайгородов 1994г — *Кайгородов А. М.* Схватка на льду // Охота и охотничье хозяйство. 1994. № 1 (то же — Советское Приаргунье. 1993. № 70).

Кайгородов 1994д — *Кайгородов А. М.* Удочки // Советское Приаргунье. 1994. № 1.

Люй Гуантянь 1981 — *Люй Гуантянь.* Исследование первобытно-общинного строя северных народностей. Пекин, 1981. (на кит. яз.)

Перминов 1994а — *Перминов В. В.* Генерал Каппель // Народная газета. 1994. 17 июня.

Перминов 1994б — *Перминов В. В.* Кровь людская — не водица // Народная газета. 1994. 25 марта.

Перминов 1994в — *Перминов В. В.* Арест атамана // Забайкальский рабочий. 1994. № 167

Цю Пу 1980 — *Цю Пу.* Первобытно-общинный строй эвенков. Пекин, 1980 (на кит. яз.).

© А. М. Кайгородов, 2020

Публикация подготовлена к печати М. А. Кайгородовым (независимый исследователь) и В. Л. Кляусом (доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора ИМЛИ РАН)

Lost Land (A Historical and Ethnographic Essay)

Anatolii M. Kaigorodov
(1927–1998)

Anatolii M. Kaigorodov was born in China in 1927, where his parents ended up after the Civil War in Transbaikalia. He spent his childhood and youth in Trekhreche, an area on the right bank of the Argun River, the border between Russia and China. In 1948 he entered the Harbin Polytechnic Institute's faculty of Eastern Economics. As a student, he participated in the work of the Circle for the Study of the Manchurian Region, which was organized at the local historical museum of Heilongjiang Province (Director V.N. Zhernakov). After graduating from the Institute in 1952, he was sent to work in Shenyang and then transferred to Beijing. In 1954, like many Russians who lived in China, he left for the Soviet Union. In 1955, he joined the All-Soviet State Library of Foreign Literature. Fluent in Chinese and Japanese, he learned Mongolian, Vietnamese, and Indonesian. At the library, he worked as chief bibliographer, collecting literature and compiling scholarly bibliography, until his retirement in 1988.

Anatolii was virtually the first to conduct research on the life of the Russian and Evenk population of Trekhreche. His early work was published in the journal "Sovetskaya etnografiya" (Soviet Ethnography) (1968, No. 4, 1970, No. 2, 3, 6). Subsequently, many essays and notes were published in the newspapers "Zabaikal'skii rabochii" (Transbaikalian Worker), "Sovetskoe Priargun'e" (Soviet Transbaikalian Region), "Severnyi krai" (Northern Territory), and in the magazines "Problemy Dal'nego Vostoka" (Problems of the Far East), "Okhota i okhotnich'e khozyaistvo" (Hunting and Hunting Economy), and a number of other periodicals. Today, several monographs and many scientific articles have been written about

Trekhrechyе, including those published on the pages of “Traditsionnaya kul'tura” (Traditional Culture). Anatolii worked on the essay for four years (1990–1994), and the first version of the essay now being published appeared in a significantly abridged version in 1991 in the newspaper “Sovetskoe Priargun'e” (No. 114–116); some of its material has already entered scholarly circulation. It is now being presented in full for the benefit of researchers of Russian culture in China. The typescript of the essay is preserved in A. M. Kaigorodov's family archive.

The publication was prepared for publication by M. A. Kaigorodov (independent researcher) and V. L. Klyaus (DSc in Philology, Head of the Folklore Division, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences).

Acknowledgements. *A. M. Kaigorodov's essay is published within the framework of the project “The Role of the Ethnic Factor in Ensuring the National Security of the Russian Federation and the Socio-Economic Development of the Border Territories of Siberia and the Far East” (Program of Fundamental and Applied Research, “Ethnocultural Diversity of Russian Society and the Strengthening of All-Russian Identity,” 2020–2022).*

Key words: *Russian, Russian-Chinese border area, Transbaikal, Trekhrechyе, China.*

Received: April 20, 2020.

Date of publication: June 25, 2020.

For citation: Kaigorodov A. M. Lost Land (A Historical and Ethnographic Essay). *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 160–176.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.014>

© A. M. Kaigorodov, 2020